

Денис Ядров

ДЕНЬ УЧИТЕЛЯ

Связь с автором: sdepdenis@mail.ru
8-924-62-23-825 и 8-985-15-78-804

Действующие лица:

Мария Витальевна – 63 года.

Антон – за сорок.

Жанна – 17 лет.

Дима – 17 лет.

Славян – 17 лет.

1

Крыльцо на подъезде многоэтажного дома. Строгая дверь преграждает путь всем незванным гостям, а домофон справа от двери контролирует, кого звать внутрь, а кого – нет. Несмотря на то что, октябрь привёл за собой осень, на улице светит солнце, гладит пожелтевшие деревья, многие из которых скинули свою листву и, стесняясь, ёжятся под порывами ещё не очень холодного ветра.

Тишина. В ней слышны быстрые шаги человека. Они сменяются на бег. Человек подбегает к двери. Судорожно набирает номер квартиры на домофоне.

Дима. Быстрее. Быстрее давай.

Домофон не спешит впускать незваных гостей.

Дима. Ну же.

Голос Марии Витальевны. Кто?

Дима. Тётя Маша, это я. Откройте, пожалуйста.

Домофон пищит и пропускает Диму в подъезд. Как только дверь за ним захлопывается, к подъезду подбегают Жанна со Славяном. Славян хватается за дверную ручку, дёргает её.

Славян. Ушёл. Ёкаранный бабай. Почти догнал. Это из-за тебя всё.

Жанна. Ну, Слава, почему из-за меня?

Славян. А из-за кого ещё? Ты кого-то тут видишь? И я – нет. Говорил: незаметно подойти надо. А ты ему: «Дима, Дима». Вот тебе и Дима.

Жанна. Слава, ну давай завтра к нему домой зайдём.

Славян. Какой завтра? Мне максимум часам к восьми деньги отдать надо. Адвокат ждать не будет. У него таких, как я, – очередь.

Жанна. Всё так плохо?

Славян. Нет, блин, у меня всё зашибись. Сейчас пятёрочку мне вкатают и буду на гитаре учиться играть.

Жанна. Зачем?

Славян. Шансон петь буду. А-а, дура. Не шаришь нифига. Как теперь зайти?

Жанна. Код знать надо.

Славян. А без тебя бы я не допетрил. Лишь бы на чердак не смылся. Не в курсе: он открыт? Чердак и подвал – два места, где смыться можно. А так выцепим его. Ты внизу встанешь, а я его сверху гнать буду. Или нет. Я внизу, а ты его искать пойдёшь. А то опять смоемся. Не, и главное – бегают так быстро. Очкарик, вроде, а несётся ёкараный бабай как.

Жанна. У него в младших классах какой-то разряд по бегу на короткие дистанции был.

Славян. Во где собака порылась. А я на длинные фигачу. Вчера физ-ра была, я на круг всех дёрнул. Ещё и курил. Мы на боксе, знаешь, какие дистанции фигачили? А в деревне заняться больше нечем. Морды бей друг другу да бегай кругами. На дискотеке, бывает, встанешь у входа и толкаешь всех: «Куда прёшься?» А они: «Хрю му». Прикольно так. Ну что? Надо ждать кого-нибудь.

Жанна. Ну мы вряд ли дождёмся.

Славян. Почему? Люди шарахаются день и ночь. За хлебом, за сигами, за флянком там. Блин, я бы сейчас накатил самогоночки. Не водки вашей городской. Хотя после этой темы не надо бы, но я бы вмазал, так – с горя. Ты чего такая надутая?

Жанна. Ты душой меня назвал.

Славян. Не парься. Это я так – с горячки.

Жанна. Слава, а почему ты на второй год остался?

Славян. Почему-почему? В деревне поживи – узнаешь. Я не в курсах, что этим училкам рассказывать, кроме физ-ры. Ну что, где вы, люди из подъезда?

Жанна. Слава, мы не дождёмся его.

Славян. Да почему?

Жанна. У него тётя здесь живёт. Он, наверно, у неё сейчас.

Славян. Опа. А что сразу промолчала? Ещё говоришь, что не дура. Он сейчас зависнет у тётки, и его нафиг не выкуришь.

Жанна. А если он не займёт?

Славян. Займёт. Куда он денется?

Жанна. Миллион – такая сумма.

Славян. Нормальная сумма. Его деду лям всё равно никуда не упёрся. А у меня вопрос жизни и смерти. Ну не смерти, конечно, но ты понимаешь, что такое в четырёх стенах всё время? Я в квартире реально задыхаюсь. Мне надо, чтобы простор был. Поле там, речка. Здесь итак машины эти везде, газ выхлопной – хоть топор вешай. А, прикинь, меня вообще в четырёх стенах запрут на несколько лет. Тётка из какой квартиры?

Жанна. Я не знаю. Этаж знаю, а квартиру – нет.

Славян. Можно посчитать. Хотя не надо.

Жанна. Почему?

Славян. Ну потому что в квартиру-то мы звякнем, а что базарить будем? Мы дворники, впустите нас подмести пол.

Жанна. Я могу сказать, что её ученица.

Славян. Она училка, что ли?

Жанна. Нет. Она на телефоне доверия работает. А раньше заведующей в садике была. Я к ней ходила. (Подносит руку к домофону). Я набираю?

Славян. Не надо. Спугнёшь. Итак бежал от нас, как... В общем, бежал. В подъезд зайдём, а там уже в дверь звякнем. В дверь проще зайти. Ладно. Чего там? Курить есть? Я так и думал. Нифига у тебя нет. Пошоркаться завернуть хоть есть? Да я шучу. Не парься.

Славян достаёт из кармана куртки сигарету, вставляет её в губы. Хлопает по джинсам в поисках зажигалки.

Славян. Не одно так другое. Ну что за блин? Спичек нет.

Славян снимает со спины рюкзак, открывает, заглядывает в него.

Славян. И тут нет. У тебя есть? А-а, у тебя ничего нет. У тебя только честь эта, девичья. Знаешь отличие мужской чести от девичьей? Мужская есть всегда, а девичья – раз, и нету.

Славян нервно оглядывается вокруг.

Жанна. Слава, а у тебя много девушек было?

Славян. Два миллиона. Рюкзак видела какой модный у меня? Спецом для города. Удобно. Ни один мент не тормознёт. Ну а что? Не сумка, без палива. Можно хоть бомбу таскать. Школу взорвать, например. Ты бы хотела взорвать школу?

Жанна. Зачем? Я уже закончила её.

Славян. Вот так, да? Ты закончила, и хоть трава не расти, а мы, значит, должны попадать.

Жанна. Я бы одноклассников взорвала.

Славян. А их за что?

Жанна. За всё хорошее.

Славян. За хорошее по голове гладить надо, а не взрывать. А Демидрол тебе как, нравится?

Жанна. Он из параллели. И то бывшей. Он ведь тоже на второй год остался.

Славян. Да я в курсе. Ну нормальный пацан. Мы с ним как-то сразу общий язык нашли. Я думал, тяжело будет на новом месте, а ничего так, нормально. В городе вообще кайфово: ни трактора, ни сенокоса, ни девок тупых. Корову доить каждое утро не надо. Двор держим с пацанами.

Жанна. Они тебе что-нибудь обо мне говорили?

Славян. Да так. Не парься. Собаки лают – ветер носит. Тебе надо было с Димой твоим на кино идти, а у кина бы я вас встретил, или у подъезда твоего, и побазарил бы с ним конкретно.

Жанна. Я не думала, что он убежит.

Славян. Так я-то думал. Ладно. Школу, значит, закончила, одноклассников не взорвала – время потрачено зря. Чем занимаешься теперь вообще? Работаешь – нет?

Жанна. В ПТУ пошла на швею.

Славян. Ну нормально. Нормальная женская профессия. Штаны мне сошьёшь?

Жанна. Когда научат.

Славян. Базара нет, когда научат.

К подъезду подходит Антон. В руках у него цветы. Он одет в деловой костюм, причёсан, туфли начищены. На губах играет лёгкая улыбка.

Славян. У вас огоньку не найдётся?

Антон. Не курю.

Антон приближается к домофону. Его взгляд скользит по лицу Жанны. Рука мужчины замирает в воздухе. Жанна тоже смотрит на Антона. Похоже, что они узнали друг друга.

Жанна (после неловкой паузы). Здравсьте.

Антон. Здравствуйте.

Славян. Жанна, знакомый что ли? А Вы нам дверь не откроете?

Антон. Открою.

Набирает номер квартиры, слышны гудки.

Голос Марии Витальевны. Кто?

Антон. Здравствуйте. Это Антон. Помните, как бы Вам сказать... В общем, Вы мне номер свой давали. Я Вам звонил ещё как-то из Белоруссии.

Голос Марии Витальевны. Антон?

Антон. Да. Я Вам звонил, хотел с праздником поздравить. С праздником, кстати. Но я Вам через дверь цветы отдать не могу. Если впустите...

Голос Марии Витальевны. Да, спасибо. Заходите.

Домофон издаёт прощальный писк и распахивает дверь.

Антон. Вы заходите?

Все трое людей растворяются в темноте подъезда.

2

Однокомнатная квартира Марии Витальевны. Маленькая кухня, маленькая комната и такой же узкий и короткий коридор. Вдоль стены тянется шкаф, сбоку приютилась кровать и тумбочка с древним телефоном на ней, с другого края выпятил вперёд кинескоп-пузо такой же древний телевизор. Два кресла важно красуются подлокотниками. Старые большие навесные часы отмеряют ход времени.

Мария Витальевна. Антон. Это который у Капы на пятидесятилетия был. Он охранником работал в ресторане. Так это когда было? Мне уже шестьдесят три. Десять лет назад. А он в Беларусь потом уехал. Здесь с женщиной одной сошёлся, туда приехал, а там они разошлись. Хороший мужчина. Ну такой – беспечный. Сейчас, вроде, за голову взялся, когда пятый десяток пошёл. И пьёт сильно, запоями. Как напьётся, на работу мне звонит. Мне так жалко его.

Дима. Тётя Маша, а как там Артём?

Мария Витальевна. Артёмка в школе учится, а Дашу в детский сад отдали. Марина худо бедно, после смерти мужа, с ними двумя справляется. Николая жалко. В кои-то веки Марина хорошего мужика встретила, и такое горе.

Дима. Инсульт же у него?

Мария Витальевна (кивает). Он самый. А Марина хоть и хорошего мужика выбрала, но больного. У него и дети от первой жены оба рахитные. Младшая более-менее, а у старшего водянка была. Он учился на пятёрки, институт заканчивал, и что-то нашло на

него – с балкона выпрыгнул насмерть сразу. И у Даши нашей водянка. Марина уж ни в чём ей не отказывает...

Дима. Вы к ним хотите переехать?

Мария Витальевна. Да уже не хочу. Марина просила не мешать ей.

Дима. Чем вы ей мешаете?

Мария Витальевна. А вот спроси. Ну чего теперь воздух сотрясать? Ты вовремя пришёл. Я пирог как раз поставила в духовку. Сегодня же праздник, день учителя. Я двадцать пять лет детскому саду отдала, и сейчас бы работала, если бы не сократили. Я ведь как думала: будущее за маленькими детсадами. А их взяли и позакрывали. Меня, причём, звали в «Теремок», но я подумала: «Он огромный. Зачем он мне?» А на телефоне доверия уже возраст не тот, тяжело. По молодости ночь не поспать – раз плюнуть, а сейчас хоть заплюйся, до рассвета только часы и считаю. И ещё кто-нибудь позвонит и: «Вы не спите? Я Вас не разбудил?» Я говорю: «Нет, конечно. Как я могу спать в пять часов утра?»

Дима. В институте вчера нам сказали, что жизнь – это «постоянное преодоление трудностей».

Мария Витальевна. Так и есть. А зачем так сказали?

Дима. Да задали много. Все заныли, что не сделают столько, и Вадим Геннадьевич говорит: «Жизнь – постоянное преодоление трудностей».

Мария Витальевна. А ты что?

Дима. А мне всё равно. Я школу с серебряной медалью закончил. Как-нибудь и здесь доучусь. Это же не школа, все уроды там остались.

Мария Витальевна. Уроды? Больные дети?

Дима. На всю голову больные.

Мария Витальевна. Водянка?

Дима. Борзянка, а не водянка. Сами ничего делать не хотят, меня заставляют: «Дай списать». Димедрол там был у нас один такой, так он заставлял меня сначала для него контрольные делать, а потом уже только для себя.

Мария Витальевна. Ничего себе. Дима, и ты молчал всё это время.

Дима. А что я скажу? У нас в школе уродов в столовой борзянкой кормят, им – пропеканку, а мне – пропиханку. С ними возятся, а мне – как хочешь, так и выкарабкивайся.

Мария Витальевна. Такие вопросы директор должен решать. Я, когда заведующей была, я на раз такие вопросы отсекала. Хулиганы – это дети неблагополучных семей. У них дома всё плохо, вот они в школу свои проблемы и приносят.

Дима. Но мне-то всё равно, что у них дома. Уроды и есть уроды. Я бы их к стенке ставил и расстреливал всех.

Мария Витальевна. Дима, что ты говоришь? Не педагогично это. Нужно разобраться в проблемах детей, поговорить с ними, домой к ним сходить, с родителями поговорить. Ты бы книгу Макаренко прочитал. Хочешь дам?

Мария Витальевна направляется к полке с книгами.

Дима. Тётя Маша, говорю, с уродами итак дофига возятся.

Мария Витальевна. Нельзя людей уродами называть. Нет уродов. Даже если есть физические отклонения у кого-то, это болезнь называется, а больных нельзя презирать.

Дима. Да какие там отклонения? Борзянка и есть борзянка. Они ещё бьют всех вокруг, толпой соберутся и ищут жертву. Деньги с неё трясут.

Мария Витальевна. Ничего себе.

Дима. А вы как думали?

Мария Витальевна. Так это же малолетние преступники получают.

Дима. А почему сразу малолетние? Какая разница, какого возраста преступник?

Мария Витальевна. Ой, ужас-то какой. Надо было тебе директору сказать, что тебя заставляют контрольные за кого-то делать.

Дима. Ну, конечно. Тогда бы меня вообще убили. И так школу еле закончил. Каждый раз перемены с ужасом ждал – на них вся школа на ушах ходила – и в школу шёл, как на каторгу.

Мария Витальевна. А сейчас тебя трогают?

Дима. Да ну. Уроды же тупые, они по фазанкам рассосались или на завод устроились. Им мозгов не хватает в вуз поступить.

Мария Витальевна. А этот, как его...

Дима. Демидрол? Он из соседнего двора. Я стараюсь туда не заходить. Да и вообще, школа в прошлом. Кто они такие теперь? Я институт закончу, человеком стану, а они как были уродами, так уродами и останутся.

Мария Витальевна. Я бы всё-таки позвонила директору вашему. Мальчикам психолог нужен, с ними заниматься надо, перевоспитывать.

Дима. Да ну. Как вы их перевоспитаете? Они воспитанию не поддаются.

Мария Витальевна. Для начала милицией их припугнуть, а в милиции им объяснят, что хулиганы попадают в тюрьму. Вот если бы Валерке вовремя объяснили, он бы по-другому себя вёл, и у Марины моей жизнь по-другому бы сложилась.

Дима. Уродам хоть заобъясняйся, они же уроды.

Мария Витальевна. Нет, Дима, объяснить можно каждому, главное – подход найти. И ты бы в школу с удовольствием ходил, если бы директор с педагогически запущенными детьми разобрался. Мне один мальчик звонил недавно, рассказывал, что киоск обворовал, а теперь ему стыдно. Стыдно им, понимаешь? Они не такие уж плохие.

Дима. Демидрол?

Мария Витальевна. Что демидрол?

Дима. Демидрол звонил? Он же киоск ограбил.

Мария Витальевна. Да ты что? Надо обязательно сказать директору об этом. (Идёт к телефону, но внезапно останавливается.) Хотя мне нельзя, мы ведь обещали не разглашать тайну. Нет, всё равно рассказать надо. Это ж такое происходит. Спасать мальчишку надо. (Вновь идёт к телефону и вновь останавливается на полпути.) А я телефон директора не знаю. Во! Надо у Капы спросить. (Опять идёт к телефону.)

Дима. Тётя Маша, не надо у Капы спрашивать.

Мария Витальевна. Ты знаешь номер?

Дима. Не знаю и знать не хочу. Не надо звонить, пожалуйста.

Мария Витальевна. Как не надо? Человек в беду попал, а ты говоришь: «Не надо».

Дима. Человек сам виноват, его никто не заставлял магазины грабить. А то, как только уродов заставляют за поступки отвечать, они сразу на жалость давят.

Мария Витальевна. У них в семье проблемы, это же дети. Они не могут с ними справиться и несут свои проблемы на улицу.

Дима. Лучше бы тогда они дома сидели со своими проблемами. Дети-дети, а магазины грабят как взрослые. Хотя бы сейчас звонить не надо. Сейчас же этот, ваш друг придёт. Не при нём хотя бы. (Чуть тише.) И вообще... И кто меня за язык тянул?

Кабина лифта. В тесном пространстве стоят Жанна, Антон и Славян. Стены лифта исписаны неприличными надписями, лампа еле справляется с освещением кабины.

Антон. Вам какой?

Славян. Да нам явно после вас.

Антон. Мне высоко. Восьмой.

Славян. Ну нам тоже.

Антон. Серьёзно, что ли? Может, нам в одну квартиру?

Славян. Ну да может, и в одну. Или в две. Или даже в три.

Славян растягивает губы в улыбке, словно он выдал сногшибательную шутку. Однако юмор Славяна не обрадовал Антона.

Антон. Я не шучу.

Славян. Да я всё уже. Жанна, какой нам?

Жанна. Восьмой.

Славян пожимает плечами, мол, сам не ожидал такого совпадения.

Антон. Ну поехали тогда, раз уж так уж. (Нажимает кнопку лифта, двери смыкаются, и он приходит в движение.) Вы случаем не к Марии Витальевне?

Жанна молчит. Славян легко толкает её.

Жанна. Да, к ней.

Антон. Тоже поздравить?

Жанна. Ну да.

Антон. А почему без цветов? Давайте, я вам половину букета отдам. (Начинает отделять одни цветы от других.)

Славян. Не-е. Мы так – на словах.

Антон. Ну смотрите.

Славян. Да мы смотрим.

Антон (после паузы). Школьник?

Славян. Типа того.

Антон. Чему вас в школе учат?

Славян. Физ-ра, спорт. А что?

Антон. Вежливости не учат?

Славян. Да я сам кого хочешь научу.

Антон. Борзой?

Славян. Борзой – это пёс. Порода такая. А я уверенный в себе. (Плюёт на пол.)

Антон. Дома тоже так делаешь?

Славян. Дома – это дома. А лифт итак задроченый.

Антон. Вот именно.

Славян. А что? Пусть помогут, надписи эти постирают. Вот это что? «Гандоны». Кто гандоны? Почему гандоны? Обосновали бы, если такие предъявы. А то едешь и думаешь: мы гандоны что ли? Ну тут больше никого нет.

Антон (разглядывает Славяна, внутренне сдерживаясь от поспешных решений). Ну вообще – да. Я надписи эти тоже не люблю. Но плевать не надо.

Славян. Да не буду. Это я так – с горячки. А вы боксом занимались?

Антон. Не, я – литрболом в основном.

Славян. Литрбол – это тема. Просто у вас плечи такие. И руки.

Антон. А это от природы. Не знаю, откуда что берётся. Ничего не делаю.

Славян. Генетика. Круто. Я бы тоже хотел такую генетику. А то у меня отец реально, кроме литрбола, только этим ещё – очковтирательством занимается. Учит меня. Сам просадил всё на свете и меня учит, чтобы я тоже, по ходу, просадил, и ему было бы ништяк. Яблочко от яблони, сказал бы, персичек от персика – кому как повезёт.

Жанна (поглядывая исподтишка на Антона). Слава, ты ему про суд говорил?

Славян (морщится, показывает как бы незаметно кулак Жанне). Скажу позже. (Антону.) Да друга судят. Я свидетелем у него.

Антон. Бывает... Но не у всех проходит.

Славян. Да пройдёт как-нибудь. Должно, по крайней мере. Не хочу родителей расстраивать просто. Они друга моего хорошо знают. (Жанне.) А у тебя батя здоровый?

Жанна (куда-то в сторону). У меня его нет.

Славян. Умер?

Жанна. Его никогда не было.

Антон хмуро смотрит на Жанну.

Антон. Наш этаж.

Славян. Ну наконец-то.

Антон. Давайте вместе скажем: «Поздравляем».

Славян. Замётано.

Лифт останавливается, двери разъезжаются в стороны.

4

Квартира Марии Витальевны. В дверь звонят.

Мария Витальевна. Иду-иду!

Идёт к двери, гремит ключами, открывает её. Жанна, Антон и Славян нестройным хором приветствуют Марию Витальевну: «Поз-дра-вля-ем!» Антон протягивает Марии Витальевне цветы. Та, сияя, принимает их.

Мария Витальевна. Ой, спасибо. Проходите.

Жанна и двое мужчин проходят в квартиру, разуваяются в пороге, заходят в комнату. Дима, увидев компанию из трёх человек, медленно опускается в кресло.

Славян. Здрав. (Выкидывает словно нож-бабочку руку, протягивает её Диме. Тот пожимает руку Славяна.) Чего убегаешь-то? Испугался? Ну правильно, бойся.

Дима. Да я не испугался. И не убегал.

Славян. Как не убегал? А что ты делал? Зайчиком прыгал?

Дима. У меня живот просто заболел. Я просто в туалет бежал.

Славян. Больше ничего не заболело? А то, может, полечить надо? Массаж кулаками. Я могу – ты обращайся. (Оборачивается в сторону прихожей.) Ладно, там идут. Потом побазарим.

Антон. А я вам звонил. Вы трубку не берёте.

Мария Витальевна. Ой, я после ночной все телефоны отключаю и сплю до обеда. Сил больше нет работать. Если бы не Марина, давно бы бросила всё. А так – помогать же ей надо. Она с Валеркой ещё жила, я им всю квартиру обставила. А Марина, когда с ним разводилась, весь мой труд у него оставила: от шкафов до ковров. Теперь я заново всё покупаю.

Антон (кивает). Я помню, что-то вы говорили об этом. У вас с зятем не очень отношения, да?

Мария Витальевна. С прошлым-то? Так он умер. Два года назад. А Николай, второй зять, год назад скончался. Один за другим они.

Антон. Я не знал. Вы это...

Мария Витальевна. Да ничего. О первом зяте я вообще не жалею. Он когда женился на Марине, плакат сделал и написал на нём: «Тёща, будь человеком».

Антон. Мне бы такую тещу.

Мария Витальевна. Это мы можем устроить. Давайте, я вас с дочерью познакомлю? Правда, она в Красноярске.

Антон. Ой, нет. С меня хватит, и я плакаты писать не умею.

Мария Витальевна. Научитесь, а я человеком вам буду, а не тещей.

Антон. Вы итак мне человек.

Мария Витальевна. Ну а буду вдвойне человеком: человек-человек и человек-тёща.

Славян. Это как рыба-молот и рыба-напильник. И ещё эта: типа, рыба наглая.

Мария Витальевна обращает внимание на Славяна, который развалился в кресле рядом с притихшим Димой.

Мария Витальевна. А это кто с вами? Друзья?

Антон бросает быстрый взгляд на Славяна, потом – на Жанну.

Антон. Ну да, друзья.

Мария Витальевна. Жанна, как твоя мама?

Жанна. Она хорошо.

Мария Витальевна. У нас уже неделю полы не моют.

Жанна. Она болела. Завтра выйдет на работу.

Мария Витальевна. Пусть выходит. А то грязь такая. А вы, молодой человек...

Славян. Славян.

Мария Витальевна. Слава, вы бы рюкзак сняли.

Славян. Не, я с ним похожу. Эта тема такая, городская.

Мария Витальевна (кладёт цветы на тумбочку, на которой стоит телевизор).
Пирог сейчас приготовится, будем чай пить. Телевизор включить для шума?

Антон. Да мы сами пошумим, вживую.

Мария Витальевна. Присаживайтесь. На кровать можно.

Антон. Я постою.

Жанна садится на пол. Смотрит снизу вверх на Антона.

Мария Витальевна. Пол холодный. На кресло садись. Дима сейчас встанет.

Дима начинает приподниматься, с надеждой поглядывая в сторону двери.

Жанна. Нормальный.

Мария Витальевна. Антон, вы по делу? На кухню можем выйти. Молодёжь пока найдёт здесь, чем заняться.

Антон (наблюдая за Жанной). Да нет. Я так – в гости. Приехал в родной город. Думаю: зайду.

Мария Витальевна. Как там в Белоруссии?

Антон. А хорошо. Пенсию платят. Там это приличные деньги. И работаю охранником – на жизнь хватает. Семью мог бы даже содержать.

Славян. Пенсию? Так вам сколько лет?

Антон. А я рано на пенсию ушёл. В пожарке после семнадцати лет уходят.

Славян. Ни фига.

Антон. Да, хорошо. И график – сутки через трое.

Славян. Я бы тоже так пахал. Не заподло. Не, а что? Нормальный ход. А пожары?

Антон. Да я леса тушил. У нас сезон с мая по сентябрь, а потом хоть на голове ходи. Я вот в баре трудился и получку с пожарки круглый год получал.

Славян. Ни фига. Нет, ну всё равно очково. Там лес горит, а ты его тушишь.

Антон. Как ты его потушишь? Скинули тебя на парашюте, и маслай. Я даже не пытался. Сразу какой-нибудь водоём искал и ложился загорать. Мне говорили: «Ты чего?» А ничего: тушить бесполезно.

Славян. Круто. Я тоже, даст бог, выкручусь, и в пожарку пойду. А там хаты дают или как?

Антон. Да хаты уже сто лет не дают. Не коммунизм.

Славян. А я слышал: дают.

Антон. Да ну брось. И тогда сложно было. Я через друзей хату выкружил. С мастером у электриков бухали, он мне говорит: «Давай я тебя к себе на работу возьму – общагу получишь». Я говорю: «Из меня что электрик, что балерина – ни чинить, ни танцевать». А он мне: «Так это ж не балет. Вторую группу тебе напишу, пару месяцев инструменты мужикам поносишь». В итоге комнату мне дали. Я так и прожил в ней почти двадцать лет.

Славян. Ну круто. Во времена были. Всё давали. Сейчас только забирают.

Мария Витальевна. Ну раньше тоже не сахар было. Я в своё время еле квартиру получила.

Антон. Семейные же, вроде, первые на очереди.

Мария Витальевна. А мы с Михалычем, как Маринке восемь исполнилось, сразу разошлись. И жили в разных комнатах, ненавидели друг друга.

Антон. Мария Витальевна, вы так откровенно при всех такие вещи говорите. (Антон показывает на Жанну со Славяном.)

Мария Витальевна. А пусть знают. Не мне же только слушать. А то звонят мне всю ночь чужие люди и такое о себе рассказывают, что уши в трубочку сворачиваются. Будто у меня проблем нет.

Антон. Праздник сегодня ведь. Какие проблемы?

Мария Витальевна. А пойдёте на кухню. Пусть молодёжь посидит здесь, а мы там поговорим обо всём да обсудим.

Дима приподнимается с кресла.

Дима. Тётя Маша, я тогда с вами пойду.

Мария Витальевна. Дима, посиди здесь. Познакомься вот с ребятами.

Дима. Да я знаю их.

Мария Витальевна. Значит, найдёте, о чём поговорить.

Славян. Да оставайся, побазарим о том о сём. Одноклассники всё-таки.

Мария Витальевна останавливается на полпути.

Мария Витальевна. Вы с Димой в одном классе учились?

Славян. Ну да. Жанна в параллельном. Мы – в одном.

Мария Витальевна. А вы Димедрола знаете?

Славян. Жеку? Ну знаю. А что?

Мария Витальевна. Да вот ваш Жека в беду большую попал.

Славян. А почему мой сразу? Ну мы просто одноклассники.

Мария Витальевна. А-а. Ну вы ему скажите при встрече, что с ним директор поговорить хочет, психолог, милиционеры.

Славян. Ну передам. Но это... Я его не вижу почти. В принципе.

Антон. А что он сделал?

Мария Витальевна. Да...

Дима. (Оглядывается на Славяна.) А можно с вами на кухне поговорить?

Мария Витальевна. Попозже.

Дима. Да мне идти просто надо. А давайте в коридор выйдем.

Славян (Диме). Пойдём лучше мы с тобой в коридоре пообщаемся. Старшим мешать не будем.

Дима. Тётя Маша, вы же по телефону позвонить хотели.

Мария Витальевна. Хотела, но ты же сам просил потом. Дима, ты как-то странно себя ведёшь.

Дима. Да я всегда такой. Я пойду тогда, наверное.

Славян. Мы тоже тогда пойдём.

Мария Витальевна. Подождите, сейчас пирог испечётся. Успеете.

Дима. Мне домашку срочно делать надо. Я забыл просто.

Антон. Вы оба какие-то странные.

Дима. Я быстро сейчас сгоняю, домашку сделаю и вернусь.

Антон. Что-то вы как нарки себя ведёте. Вы не за анашой собрались, ребята?

Мария Витальевна. Дима, это правда? Ты куришь травку?

Дима. Ничего я не курю. Тётя Маша, не ходите с ним на кухню.

Мария Витальевна. Это ещё почему?

Дима. Ну потому что он с ними заодно. Они все трое за мной пришли. Они хотят деньги у меня забрать.

Мария Витальевна. Дима, ты что говоришь? Антон, что это?

Антон (пожимает плечами). Шутит так, наверное. Вот этот тоже большой шутник (показывает на Славу): в лифте плюёт, хамит.

Мария Витальевна. Вы, Слава, точно не друг Димедрола? А то и за вами милиция приедет.

Славян. Да ну на фиг. Мы вот с Диманом друзья. А Димедрол – так вообще. Я вообще не в курсе, где он накосячил. Мотоцикл, наверное, угнал? А я не знал, что это ваш мотоцикл.

Мария Витальевна. Мотоцикл не мой.

Славян. А, ну не ваш. Тогда вообще не в курсе.

Антон. Мария Витальевна, пойдёмте. Я у вас тоже хотел кое-что спросить. По телефону не стал, а сейчас время жмёт. Ваш совет срочно нужен.

Мария Витальевна. Подождите. Сейчас мы уйдём, а молодёжь разбежится.

Антон. А вы дверь на ключ закройте, а ключ – в карман. Они никуда и не убегут. (Жанне.) Правильно?

Жанна с болью смотрит на Антона. Славян старается скрыть кривую ухмылку, исподтишка показывая кулак Диману. Тот в ужасе вжался в кресло, хотя всеми силами старается скрыть свой испуг от тётки.

Мария Витальевна. Ну пойдёмте. Заодно пирог посмотрим.

5

Узкая кухня. Мизерный стол с карликовым чайником, в котором вскипятишь разве что одну кружку воды. Маленький холодильник, печка, раковина, стол, шкаф.

Мария Витальевна. Давненько же вы мне не звонили.

Антон. Некогда всё, дела.

Мария Витальевна. С друзьями дела?

Антон. С друзьями тоже.

Мария Витальевна. Пьёте с ними? Или бросили?

Антон. Это тоже. В смысле, бросил. Да прошлого лета вообще не помню. На свадьбу позвали. Помню: сел за стол, налили, я рюмку поднял. И очнулся уже с жёлтыми листьями.

Мария Витальевна. Пить бросили и сразу перестали мне звонить.

Антон. Ну это, как бы, да. В смысле, вы не подумайте, что я такой ушлый или...

Мария Витальевна. Неблагодарный.

Антон. Ну да. Я жаловаться не привык. Мне итак стыдно, что я вам там по пьянке наговорил.

Мария Витальевна. Ничего особенного. В основном вы пели.

Антон. Да? Так у меня же слуха нет.

Мария Витальевна. Я заметила. Ну вы не совсем пели, вы орали. Но зато громко.

Антон. Да? Я обычно не ору.

Мария Витальевна. Конечно, не орёте, вы же пели. (Напевает.) Ну где же вы, девчонки, девчонки, девчонки.

Антон. И долго я так пел?

Мария Витальевна. О – часами. Вы выносливый.

Антон. Вы это, если что... Я не виноват, это алкоголь.

Мария Витальевна. Да ничего страшного. И похуже попадаются клиенты. Клиенты – вот так называют людей, которые мне жаловаться звонят. А я переживаю за них, таблетки ночами глотаю.

Антон. Ну я-то вас не заставлял переживать? Я ведь песни пел.

Мария Витальевна. Да ну что вы? В пять часов утра песни – одно удовольствие. Если бы вы колыбельные умели исполнять, цены бы вам не было.

Антон. Да я ритмичное в основном слушаю.

Мария Витальевна. Я заметила. Ну ничего. Все бы такими клиентами, как вы, были – был бы рай, а не работа. Вы звоните, когда радуется. А обычно звонят, плачут: кто что натворил, у кого жена какая стерва, а у кого муж бьёт жену, или начальник точно чайник. Знаете, как вот эти, которые кипятком брызжут?

Антон. Ну кипятком – да. В баре у меня так же было: парнишки нажрут и быкуют. Тоже потом, как поцапаюсь с кем-нибудь, долго успокоиться не могу. Иногда бывало, конечно, зубы кому-нибудь выбьешь, и он сразу умный такой становится, понятливый. Как собака, всё понимает, всё делает, что сказали, и главное – молчит.

Мария Витальевна. По телефону зубы не выбьешь. Да и нельзя людей бить. Они ведь не с проста так себя ведут.

Антон. Конечно, не с проста: погуляли в кабаке, а платить не хотят.

Мария Витальевна. Знаете, Антон, а я всю жизнь кого-то чему-то учу, стараюсь, а сама, что делать, как жить – не знаю.

Антон. Да ну. Вы же умная. У вас и зубы все целые, а вы всё равно умная. Я шучу так. Ну чтобы вы улыбнулись.

Мария Витальевна. Спасибо за шутку. Представляете: у меня случилась катастрофа. Я сегодня утром в больницу зашла. Меня врач знакомая с медсёстрами с праздником поздравила, цветы подарила. Вы сейчас пришли, поздравили. А дочь меня не поздравила совсем.

Антон. Так вы не переживайте: ещё не вечер, позвонит. Здесь же разница во времени с Красноярском.

Мария Витальевна. Разница не только во времени и не только с Красноярском.

Мария Витальевна открывает духовку.

Мария Витальевна. Как тут? Запах какой, да?

Антон. Вкусно. А я вот не умею совсем готовить.

Мария Витальевна. Мужчине не обязательно. У вас жена готовила? Ой, вы же развелись.

Антон. Ну и что теперь? Жена не покойник. Это о мёртвых или хорошо, или никак. Сам виноват. Увёл женщину из семьи, ну и у меня тоже жену угнали. Я, главное, думал: «Ну я-то учёный, меня это не коснётся, а вот коснулось». А этот гусь поматросил её и бросил. Так зеркально получилось: я увёл женщину из семьи – женился, а поймал её с любовником – тот в кусты, и только пятки засверкали.

Мария Витальевна. И где она сейчас?

Антон. В Минске.

Мария Витальевна. Вот у всех так, не гладко.

Антон. Шершаво, я бы сказал.

Мария Витальевна. Вы совет какой-то хотели. Из меня, правда, советчик теперь неважный, судя по всему, но, чем смогу, помогу.

Антон. Совет да любовь я хотел, но не получилось. Да чепуха вроде, но не чепуха, с другой стороны. (Пауза.) Дочь у меня есть. Семнадцать лет ей алименты платил, а видел один раз только. Думаю: посмотреть, что ли, на неё? За этим и приехал.

Мария Витальевна. Ну, конечно, посмотрите. Встретьтесь с ней.

Антон. Да уже встретился.

Мария Витальевна. И как?

Антон. Поздоровался.

Мария Витальевна. И всё?

Антон. Да ну, нет, конечно: что-то ещё сказал. А я не знаю, как себя вести. В первый раз в жизни. Как-то пролетела она быстро, в угаре-то. Я и мать её видел пару раз всего. У меня таких матерей больше чем пальцев на руках, ногах и... остальном всё было. Не сказать, чтобы я их не любил – всех любил, пока спали в одной кровати. Ну вот дочка теперь – итог моих подвигов.

Мария Витальевна. Да не одна, наверное.

Антон. Одна. Мама её мне сразу заявила, что рожать будет, сказала: «Мне от тебя ничего не надо». Ну вот я за её «не надо» семнадцать лет алименты и проплатил. Да как-то подумал: «Ну вот молодость пролетела, на пенсию вышел, семьи нет, жена рога наставила – да и женился-то на старости лет». Думаю: «Дочь к себе забрать, что ли? Какая-никакая семья, родная кровь». А что ей сказать, не знаю. «Здравствуй, я твой папа?»

Мария Витальевна. Так и скажите.

Антон. Неудобно.

Мария Витальевна. Вы же от алиментов не уклонялись.

Антон. Это мой долг. Почему я должен уклоняться? Я и от армии не бегал.

Мария Витальевна. Ну знаете, мужчины разные бывают. Михалыч, к примеру, жил со мной и дочкой и деньги копил. Мы в такой нищете сидели, что не высказать. На мою зарплату. А когда развелись, мне одна женщина с Михалыча работы говорит: «А вы деньги при разводе поделили?» Я говорю: «Какие деньги?» – «Которые Михалыч собирал. У него сумма большая в банке». Оказывается, в двадцать лет Михалычу цыганка нагадала, что у него вторая жена будет, и он для неё деньги копил.

Антон. Ничего себе. Ну и что? Высудили их?

Мария Витальевна. Да ну. Зачем? Он же не для того их собирал, чтобы отдавать. А Михалыч женился второй раз. И он же еврей. Жена его национальность себе в паспорте исправил и уехала в Израиль. А Михалыч здесь остался, и я вот ухаживаю за ним.

Антон. С какого перепугу?

Мария Витальевна. А такого, что ему врачи ногу оттяпали. Он дымил как паровоз, вены никотином забились. Он и сейчас фору любому поезду даст. Дима из жалости ходит к нему в шахматы играть. Вернётся – весь насквозь в никотине.

Антон. Ну так не в шахматах же он насквозь будет. Не на коне там, не на ферзе. Ну бросил бы Михалыч курить.

Мария Витальевна. Так теперь всё равно. Ноги-то нет. У него спросишь: «Как дела?» Он говорит: «Нога так и не отросла». И знаете, что обидно? Я всю жизнь стараюсь для дочери, и она меня не любит. А папу любит. Он, видите ли, ничего не заставлял её делать, а я заставляла. Я вот недавно ездила к Марине, она мне сказала: «Не лезь ко мне и не мешай мне жить».

Антон. Вы прямо поругались с ней?

Мария Витальевна. Да как обычно. Мы всё время ругаемся, потом миримся, но всё равно такое от дочери слышать... Неприятно.

Антон задумчиво смотрит в пол.

Антон. Смотрите: и у вас дочь, и у меня. Может, мне тоже не стоит к ней лезть? Мария Витальевна. Ну конечно – скажете тоже. Стоит, и нужно даже. Пусть она хотя бы отца увидит.

6

В комнате Славян поднялся с кресла и ухмыляется в лицо Диме. Жанна с отстранённым видом разглядывает книги в шкафу.

Славян. Чего базаришь-то, баклан? Берегов не видишь? Я их тебе покажу. Димедрола сдал, меня чуть под дуло не подвёл. Крутой что ли? Крутой, говорю?

Дима. Нет.

Славян. Тогда блатной? Блатной – по понятиям будем базарить. Крутой – раскрутим. На бабло. Делись давай, богатый буратино.

Дима лезет в карман, достаёт из него какую-то мелочь.

Дима. Всё, что есть.

Славян. Ты что, меня за дурака держишь? Миллионом делись.

Дима. Каким миллионом?

Славян. Каким-каким? Который твой дед в лото выиграл. (Жанне.) В лото ведь? Я правильно говорю?

Дима. Не дед, а дядя.

Славян. Мне пофиг. Хоть тётя.

Дима. Тётя ни при чём. Скажите своему другу, чтобы он её не трогал.

Славян. Он мне такой же друг, как и тебе. Я этого мужика первый раз в жизни вижу. Жанна его знает, её проси.

Дима. Жанна, скажи ему, чтобы он тётю не трогал.

Жанна. Не тронет, она слишком старая для него.

Дима. В смысле?

Жанна. Чтобы «это» с ней делать.

Славян. Он по шпили-вили спец, да? С тобой тоже?

Жанна отворачивается в сторону.

Славян. (Диме.) Короче, ладно, пойдём к твоему деду и заберём у него миллион.

Дима (тихо). Миллион.

Славян. Что?

Дима. Я Жанне только о нём говорил.

Славян. А Жанна мне весточку кинула. Пойдём. Обувайся, одевайся.

Дима (бормочет, опустив взгляд в пол). Я не пойду. Школа кончилась уже, я взрослый, взрослый.

Славян. Что бормочешь?

Дима (севшим голосом). Я не пойду.

Славян. Не пойдёшь так покатишься. Я же тебе голову сломаю. Вечером во двор бояться будешь выйти.

Дима (ещё тише). Я в полицию заявление напишу.

Славян. Давай. Толстый много раз писал. Знаешь, да? Только по башке получал за это, и всё. Такой смелый прямо стал. Давай собирайся. У меня нет времени. Мне сегодня бабло нужно.

Дима. Зачем сегодня?

Славян. Какая тебе разница? От суда откупиться. Слышал, мы с Демидролом киоск вставили? Так вот мне дело шьют. Давай по-пацански. Выручи конкретно, и будет тебе счастье.

Дима (тихо). Я выручил бы, но я не могу.

Славян. Можешь. Всё ты можешь. А иначе я тебе голову просто сломаю, и всё.

Жанна. Слава, скажи ему, что ты в долг взять хочешь.

Славян. Какой долг? Как я его отдавать буду?

Жанна. Ты говорил, что в долг.

Славян. Мало ли, что я сказал. Короче, пойдём. (Берёт Диму за локоть, тянет его в коридор. Дима упирается.)

Дима. Я не хочу никуда идти.

Славян. Да не надо никуда идти. Идти надо куда. Вот когда пошлют тебя на, пойдёшь на, а когда пошлют в – пойдёшь в.

Дима. Тётю не трогайте, пожалуйста.

Славян. Да не ссы ты. Никому твоя тётя не нужна. Короче, стой здесь.

Славян уходит. Оставшись вдвоём, некоторое время Жанна с Димой молчат.

Дима. Зачем ты ему рассказала?

Жанна (отвечает с отстранённым видом, мысли её находятся далеко от этой комнаты). Хотела помочь ему.

Дима. Я думал, мы в кино с тобой пойдём.

Жанна. В кино ерунду всякую показывают.

Дима. Но в кино ведь не ради кино ходят. Это повод такой.

Жанна. В кино за поводом ходят.

Дима. Встретиться в кино чтобы, ходят.

Жанна. Или расстаться.

Дима. Мы только и делаем, что встречаемся и расстаёмся. Всё остальное время ждём встречи.

Жанна. Или расставания. Ты слишком умно говоришь.

Дима. А ты кого хотела встретить?

Жанна. Отца. Много лет назад. Уже не хочу.

Дима. Почему уже не хочешь?

Жанна. Потому что встретила и поняла, что хотела встретить его много лет назад, а теперь поздно стало. Теперь ведь ничего не изменится, а раньше могло измениться.

Дима. А мужа хотела бы встретить?

Жанна. Мужа тоже встретила.

Дима. Его?

Жанна молчит.

Дима. Я думал: ты другая.

Жанна. Я как все.

Дима. Нет. Они все глупые, им только с пацанами на лавочке или в подвале сидеть и семечки щёлкать.

Жанна. Я тоже хочу с пацанами в подвале семечки щёлкать. Отдай ему деньги. Так проще будет. Если не отдашь, он тебя побьёт, а если побьёт, всё равно отдашь.

Дима. Я бы отдал, но у меня их нет.

Жанна. Ты говорил, что есть.

Дима. Я пошутил.

Жанна. Дурацкие шутки у тебя. Или врёшь.

Дима. Зачем мне врать?

Жанна. Откуда я знаю? Один врёт, что не спортсмен, другой – что у него денег нет.

Дима. Ну а если я вру, пойдёшь со мной в кино?

Жанна. Кино – для очкариков.

Дима. А я, между прочим, никогда над тобой не смеялся.

Жанна. Молодец.

Дима. И не дразнил тебя никогда.

Жанна. Возьми с полки пирожок.

Возвращается Славян.

Славян. Не, ну они в натуре закрыли дверь на замок. Как выйти-то? (Оглядывается вокруг.) Давай через балкон.

Приобнимает Диму, подталкивает его к балкону.

Дима. Я высоты боюсь.

Славян. Ты всего боишься. Вы, умники, всего ссыте. Казалось бы, наоборот, чего бояться? Ты же отличник. У тебя мозги как орехи, а ты ссышь всего. Сейчас тебя с балкона сброшу, а потом сам спущусь. Не ссы. Мы теперь как сиамские близнецы. Я без тебя теперь никак. Мне твои бабки позарез нужны. На горбу тебя вниз спущу.

Жанна (всё так же с апатией в голосе). Слава, мы так не договаривались.

Славян. Договаривались – не договаривались. Договор – дороже денег, деньги – дороже договора. (Дёргает Диму за руку.) Ну!

Дима делает неуверенный шаг в сторону балкона.

Дима. Пожалуйста, не надо.

Славян. Надо – не надо. Пошли, блин.

Резко дёргает Диму за рукав. Тот спотыкается, падает.

Славян. Вставай, блин. Ссыкло. Эй. (Тормошит Диму.) Чего это он?

Жанна подходит к Диме, вглядывается в него.

Жанна. Похоже, сознание потерял. На химии, на совместном уроке, он тоже так упал раз. У него же астма или что-то типа того.

Славян. И что делать? (Бьёт Диму по щекам.) Баклан, ты живой? (Пытается поднять Диму.) Может, реально его с балкона сбросить?

Жанна. Нашатырный спирт нужен.

Славян. Да не суетись – спирт. Давай сбросим его. Ногу, может, сломает, и всё.

Жанна. Слава, почему ты такой...

Славян. Красивый, ты хотела сказать? Слушай, ты же говорила, что я тебе нравлюсь?

Жанна. Говорила.

Славян. До сих пор всё в теме – типа нравлюсь, и всё такое?

Жанна кивает головой.

Славян. Тогда помоги мне его поднять.

После секундного колебания Жанна помогает Славяну поднять и нести Диму. Когда они уже подходят к балкону, в дверном проёме комнаты возникают Антон с Марией Витальевной.

Антон. Далеко собрались?

Славян. На кресло идём. Мы боролись на полу, и я удушающий Диману применил. Он поплыл немного.

Антон. А с чего вы решили бороться?

Славян. Да мы всегда боремся. Скажи, Жанна?

Жанна вяло кивает головой. Славян подводит Диму к креслу, опускает его.

Славян. Ну Диман реально рыба-молоток. В прошлый раз хуже было. Тогда он резко продул, а в этот раз ничего так.

Антон. Странные у вас приколы. Вы точно не наркоманы?

Славян. Да ну с фига? Хотите вены вам покажу? (Закатывает рукав на руке Димы.) Чистый лист, а не вены. Ещё можно писать и писать по ним. Это незаполненный лист, можно сказать.

Антон. Свои покажи.

Славян. А вот и мои. (Закатывает рукава своей футболки.) Как чистые реки. Лазурные воды. В жизни дурь не пробовал и не буду. Насмотрелся на конопляников по самое не хочу. Как козлы голышом по полю носятся – план собирают. А потом грязь с тела руками скатывают и курят. Противно. Самогон, да на смородинке, – вот это тема.

Мария Витальевна. Самогон в таком возрасте. Молодёжь бестолковая пошла. Один мальчишка звонил мне, рассказывал: «Во время сессии все халяву зовут». Вместо того чтобы готовиться к экзамену, они в окно высовываются и кричат: «Халява, приди!» И мальчишка мой решил попробовать. А халява взяла и поднялась к нему на этаж. Оказалось, заведующий кафедры обход делал. Теперь мальчишка жалуется, что ни один экзамен сдать не может.

Антон. Извиниться-то он не пробовал?

Мария Витальевна. Не хочет.

Антон. Я бы тоже не стал извиняться. Тем более что не за что.

Дима приходит в себя во время разговора. Услышав об общежитии и увидев тётю, он оживляется.

Дима. А у нас в институте один пацан к экзамену вообще не готовился. Пришёл за час до него и преподу под дверь зачётку кинул. Через пять минут её обратно выбросили. Он смотрит, а там пятёрка стоит. И все давай кидать зачётки под дверь. Полчаса прождали – ничего. Потом один пацан постучался, а препод вышел и говорит: «Ваши зачётки все под окном в снегу валяются. Идите забирайте».

Мария Витальевна. Вот все думают, что нахалюву уксус сладкий. А он горький.

Славян. Уксус в натуре горький. Я на себе прочувствовал. Я прямо заявить могу: уксус – горький.

Антон. Прямо открытие сделал.

Славян. Вообще. Я отцу тогда говорю: «Ну-ка дай мне попробовать вашу водку, которую вы жрёте без меры». Он взял, такой, налил уксуса в стакан – но я не знал, что это уксус – и водой его разбавил. Говорит: «Ты мал ещё, тебя с копыт с чистогана срубят». Ну я накатил «водочки», и всё – скопытился. До сих хриплю.

Мария Витальевна. Ничего себе у вас папа эксперименты ставит.

Славян. Чисто в целях профилактики, уму разуму меня отец учит. Что водка – зло говорит, чтобы я не бухал всю эту палёную гадость городскую, а нормальное пил, самогонку домашнюю. Он мне сразу самогоночки плеснул, и я в больничку уже навеселе ехал.

Мария Витальевна. Антон, откуда у вас такие друзья?

Антон. Из лифта. В лифте познакомились.

Мария Витальевна. Жанна, ты такая хорошая девочка и такого плохого мальчика себе нашла.

Жанна. А я люблю плохих мальчиков.

Мария Витальевна. Как Марина моя. Говорила ей: «Не выходи замуж за Валерку». А она мне: «Смешно: ты Мария, я Марина, дед – Виталий, муж – Валерий». Смешно вам всё.

Славян. Да мы, в натуре, большие шутники.

Мария Витальевна. Слава, а вы случайно не Демидрол?

Славян. Да ну на фиг. Димедрол – Жека. Я, честно, не в курсах, что он натворил. Я с ним не общаюсь давно.

Мария Витальевна. Но вы как-то найти его можете?

Славян. За определённую плату, конечно. Я и демидрол, и тазипам пробью, и назипам.

Мария Витальевна. Колёса, простите, что – пробьёте?

Славян. Таблетки, типа, достану. Ну у меня там есть барыги, которые колёсами банчат. Это же лекарства. Вы, по ходу, лечиться хотите?

Мария Витальевна. Нет, я вам помочь хочу. Давайте, я вам номер «Телефона доверия» дам, вы мне на работу позвоните, и мы поговорим с вами. Анонимно.

Славян. Как же – анонимно. Вы мой голос узнаете: «Здравствуй, Слава», и в ментовку сольёте. Знаю я ваши телефоны доверия: только доверься, и прокурор наручники напялит.

Мария Витальевна. Вы уже никому не верите.

Славян. Почему? Себе верю.

Антон. Уверенный в себе.

Славян. Не, ну надо же быть в ком-то уверенным. У меня беспроигрышный вариант. И если уж накосячил, то сам, а если победил, тоже сам. И сам себе как-то доверяешь больше, и сомневаешься меньше. Больше-меньше так в тему раскидываешь, и всё пучком.

Антон. Ты парнишка явно как-то с наркотиками связан. Барыги у тебя знакомые.

Славян. Так чтобы не было знакомых барыг, нужно дома всё время сидеть. А на улицу вышел – везде барыги: у подъезда барыги, в магазине барыги, в школе барыги. Я уверен, что и директор барыжничал бы, если бы мог. И менты, и пожарники, и училки – все банчили бы. Да так реально и происходит: все барыжат, чем могут. Тёлки, к примеру, все продажные, их всех купить можно. Не так, так эдак. Или шпили-вили за бабло, или там цветы, машину, квартиру даришь – и всё, тёлка твоя.

Мария Витальевна. Как же вы заблудились, Слава.

Антон. Тёлки не все продажные.

Славян. Бесплатные бывают? Никто ничего за так делать не будет. Значит по любому какая-то выгода есть.

Жанна (Славяну). А у меня тоже выгода?

Славян (пожимает плечами). Наверное.

Антон. Жанна, это твой парень? (Показывает на Славяна.)

Жанна. Наверное.

Антон протягивает руку Славяну.

Антон. Антон. Я в лифте забыл представиться.

Славян вялой рукой пожимает стальную ладонь Антона.

Антон. Тепло сегодня. Погода хорошая очень.

Жанна. Загорать можно.

Славян. В Белоруси, по ходу, вообще жара.

Антон. В Белоруссии лето. Сады цветут, яблоки на улице, фонтаны.

Жанна. В сказках принцы на белом коне приезжают.

Антон (подмигивает Марии Витальевне). На коне, пропахшем никотином.

Славян. От коней в натуре потом воняет, но кататься прикольно. А от одного коника теперь, типа, костром прёт, после пожара.

Антон. Ты о смерти говоришь? Я читал «Апокалипсис». Всадник на бледном коне.

Славян. Ну типа того. Как прискакал всадник, так мы и ускакали из Осиновки.

Жанна. А отцы приезжают на белых конях?

Антон. Отцы на поездах приезжают.

Жанна. На синих поездах.

Славян. Или на синих конях.

Антон. И всё-таки на улице хорошо, свежо, чисто.

Жанна. Потому что дворники работают, потому и чисто.

Антон. Дворники – молодцы, но и от настроения многое зависит. Когда настроение хорошее, и воздух сразу прозрачней, свежее.

Жанна. У моей мамы настроение классное. С самого утра берёт метлу и развлекается. Направо махнёт – улыбнётся, налево – прыснет от смеха. Так и ржёт весь день.

Антон. Хорошая мама, с юмором.

Жанна. Только отец её ребёнка её восемнадцать лет назад бросил.

Антон. Он помогал ей все эти годы, алименты платил.

Жанна. И скакал на синем коне.

Антон. Но сейчас слез с коня и на поезде приехал.

Жанна. А зачем приехал? Разве он знает, что его ждали?

Антон. А он сам догадался и приехал. За дочерью приехал, забрать её с собой хочет.

Жанна. Молодец. Возьмите с полки пирожок.

Мария Витальевна. Антон, подождите: Жанна – ваша дочь?

Антон (кивает). Сделаем, как договаривались, да? Здравствуй, я твой папа.

Жанна горько фыркает.

Антон. Как мама?

Жанна. У неё всё хорошо. Она работает полумойкой. У мамы рот как дыра, руки от порошка в гной превратились, и горб как у верблюда.

Антон. А ведь другие профессии в мире есть, кроме полумоек.

Жанна. Профессии-то есть, только кто её возьмёт без образования и с маленьким ребёнком на руках. Мама её выгнала из дома, отец ребёнка исчез: ни приветов от него, ни ответа.

Антон. Отец не умеет письма писать.

Жанна. Он другое умеет. Ему маленькие девочки нравятся. А я нравлюсь?

Антон. Ну в другом смысле только.

Жанна. Смыслов много. А я вас по фотографии двадцатилетней давности узнала. Есть у мамы такое фото, чёрно-белое, с трещинами.

Антон. Я не виноват. Она сказала, что для себя родить хочет.

Жанна. Так разве я обвиняю вас? Я себя виню. Сяду у окна вечером, реву и виню. Дождик идёт за окном, и я с ним вместе плачу.

Антон. А зимой? Зимой нет дождя.

Жанна. А зимой я смеюсь. Встану у окна и смеюсь.

Дима поднимается с кресла. Шатаясь, идёт на кухню. Воспользовавшись диалогом отца с дочерью, Славян незаметно выскальзывает из комнаты вслед за Димой.

Антон. Послушай, Жанна, я сожалею, что так получилось.

Жанна. Я тоже.

Антон. Я вас с собой заберу, в Минск.

Жанна. А мы мешать вам не будем? Вы маму мою видели?

Антон. Ну вот и погляжу. Она же мне твои фотографии присылала, а свои – нет. И то когда я уехал. Я смотрю: такая дочь у меня взрослая, красивая.

Жанна. Вы испугались, что в старости один останетесь?

Антон. Мне до старости как до луны пешком.

Жанна. На поезде «Ошибка» вас довезут до станции «Старость».

Марина Витальевна. Вам язык общий надо найти. Позвольте, я помогу вам.

Жанна. Мария Витальевна, я потом вам позвоню на «Телефон доверия» и всё расскажу. Честно.

Антон. За стол сейчас сядем и поговорим все вместе. Так удачно сложилось, что у нас знакомый психолог, да со стажем.

Мария Витальевна. Психолог Жанну знает с детского сада, и Жанна знает психолога. А давайте и поговорим, пока мальчики на кухне.

Жанна. А я с папой давно разговариваю. Как у окна сяду, так и разговариваю. В окно смотрю и папу вижу. И думаю: «А папа видит меня?»

Антон. Ну, это... Я даже не знаю...

Жанна. И папа меня видит. Смотрит с той стороны окна на меня и улыбается. Я до стекла дотронулась рукой: папа.

Антон. Ну это... Как бы...

Мария Витальевна. А я знаю, что вам нужно. Вам одну вещь сделать надо. У меня в саду две воспитательницы воевали постоянно друг с другом, пока мне в руки одна хорошая книга по психологии не попала и я их не помирила как раз с помощью этой замечательной вещи. Ну как, вы согласны?

Антон. Ну я в психологии вообще как бы не очень...

Мария Витальевна. Жанна?

Жанна. Ну, на такую замечательную вещь, конечно, я согласна.

Мария Витальевна. Есть хороший способ стресс снять и помириться.

Жанна. Так мы и не ругались.

Мария Витальевна. Если эту вещь делать три раза в день, то вы всегда будете счастливы.

Жанна. Чего только ради счастья не сделаешь.

Мария Витальевна. Значит, ты согласна?

Жанна выдавливает из себя слезную улыбку.

Антон. Ну, это... А что делать?

Мария Витальевна. Вы сейчас внимательно посмотрите друг на друга, подойдете друг к другу... (Пауза.) И обнимитесь.

Жанна. Это обязательно?

Мария Витальевна. Ты обещала мне.

Девушка опустила голову вниз. Антон нерешительно переступает с ноги на ногу, делает шаг к дочери, раскрывает руки для объятий. Жанна медлит. Антон подходит ближе.

Антон. Прости меня. (После короткой паузы.) Хотя за что?

В последний момент Жанна выскальзывает из рук Антона, отходит к окну, смотрит на прозрачное стекло.

Антон. Я это... Не так что-то говорю.

Жанна. Нет, вы говорите всё правильно.

Антон. У меня же никогда не было дочери, я не знаю, как... Вернее, была дочь, но...

Жанна. Но...

Антон. Я всегда помнил, что у меня есть дочь.

Жанна. Это алиментарная память, память о дочери в алиментах.

Антон. Получилось всё случайно.

Жанна. По пьянке?

Антон. Ну, да...

Жанна. А знаете, о чём я думаю?

Антон. Ну там... Как?

Жанна. Думаю: «За что мне жизнь такая?» Все смеются надо мной. Я дочь поломойки, у которой крыша едет. Она встанет на подъезде и пургу всякую несёт. Я и парня себе найти не могу. Нравлюсь только лохам – они меня за свою считают – и придуркам, которым, кроме «этого» ничего не надо. Они думают, если я изгой, значит даю всем.

Антон. Я им головы всем поотрываю. Давай, Славе сейчас голову оторву.

Жанна. Слава итак без головы. Слава!

7

Дима стоит посреди кухни и задумчиво смотрит в окно.

Дима. Дверь закрыта, телефон остался в комнате, а мужик – отец Жанны. Радует только последнее.

Подходит к раковине, поворачивает кран с холодной водой, ополаскивает лицо. Сзади к Диме подкрадывается Славян. С двух сторон тыкает пальцами Диме под рёбра.

Славян. Дыщ!

Дима подскакивает на месте.

Славян. Тише-тише. Не ссы.

Дима медленно закрывает кран, оборачивается к Славяну.

Дима. Слава, только не бей меня, пожалуйста.

Славян. Да кому ты нафиг нужен? Бить тебя.

Дима. Ну ты же сказал, что мне голову сломаешь.

Славян. Это я так – с горячки. Как дела у тебя вообще?

Дима. Нормально.

Славян. Что?

Дима. Нормально.

Славян. Нормально? Как сажа бела – вот так. Дела – как сажа бела. А как сам?

Дима осторожно пожимает плечами.

Славян. Как сала килограмм. А бабы на «как дела» говорят: «Ещё не родила». Но ты же не баба. Нет ведь? Нет, говорю?

Дима мотает головой.

Славян. Диман – рыба-молот у нас. Отличник, хорошист. Медаль у тебя эта, как у собак, да?

Дима. Серебряная.

Славян. А чего не золотая?

Дима. По физ-ре тройка была. Мне итак четвёрку поставили, чтобы медаль дать.

Славян. Так надо было пятёрку просить. Вот мне прокурор пятёрочку просит, а я бы и на тройку согласился, и на кол даже, и на условку. Как тебе в институте? Тёлки там есть, или, может, мальчики симпатичные? На мальчиков смотришь?

Дима. Я на девушек смотрю.

Славян. Правильно, я тоже по девушкам спец. А этот, отец Жанны, по тётенькам. Каждому своё, да? Жанна тебе нравится?

Дима кивает головой.

Славян. Мама её по молодости, наверно, тоже ничего так была. Ты бы её маме вдул? Или выдул бы? Знаешь это как – выдуть? Ну это ртом туда вот так дуть. Ну ты понял. Улыбнись, что ли. (Дима изображает недоверчивую улыбку.) Ну нормально: можешь, когда хочешь. И хочешь, когда можешь, да? (Хлопает Диму по плечу.) Братишка, я ведь не со зла так с тобой. Просто вляпался по самое не хочу. Выкручиваться надо. Деньги только и спасут. С киоском этим. Ты же Димедрола знаешь? Такая сука этот Демидрол. Подставил меня по-полной.

Дима. А что он сделал?

Славян. Да подставил меня. Мы с ним бухали на хате, и закуся не хватило. Он говорит: «Пойдём киоск вставим». Нож раскладной достал из кармана и лечит: «Вышел ёжик из тумана, вынул ножик из кармана». Мы, короче, попёрлись в киоск, продавщице пригрозили: «Буду резать, буду бить», и нахапали каких-то огурцов, грибов, пузырь ещё один – фигну, короче. А через две недели Димедрола менты приняли и раскололи. Они хотели у него про мотоциклы пробить, а он от измены про киоск проболтался. А киоск даже заяву в ментовку не подавал. И не подал бы. А теперь нам хана.

Дима. Капец.

Славян. Полный капец, полнейший. Димедрол со своими ёжиками. Это бывает люди с тараканами, а он с ёжиками. Ну вот главный ёжик – это я. Прикинь так на суде: «Обвиняется ёж Славян за то, что он вставил киоск с помидорами и огурцами». И так: «Что вы можете сказать в своё оправдание?» А я так: «Пых-пых». А они: «Ну хорошо хоть не хрю му». (Славян смеётся) По-пацански давай чисто. Ты мне поможешь – я тебе. Кентярой будешь моим центровым. Тебя все бояться будут. Хочешь, чтобы тебя все боялись? А? (Трясёт Диму за руку.) Что молчишь? Хочешь?

Дима. Ну хочу.

Славян. Так «ну» или «хочу»? Ты определись: либо то, либо другое. Определись, как жить дальше, с кем ты, кто ты, кто ты по жизни. Кто ты по жизни?

Дима. Я это...

Славян. Что? Не слышу.

Дима. Пацан.

Славян. Ну вот – пацан. Пацан по жизни помогает пацану. Так ведь?

Дима. Ну так.

Славян. «Ну» или «так»? Конкретней. Не слышу.

Дима. Так.

Славян. Так. Так-так. Ну, значит, поможешь мне, да? По-пацански. Поможешь? А?

Дима. Да.

Славян. Что?

Дима. Да, помогу.

Славян. Ну тогда сейчас идём к твоему деду и берём деньги. Идём?

Дима. Только у него нет денег сейчас.

Славян. Как это у деда нет денег? Он в лото рубится по-чёрному, миллионы как с куста косит. У дедов же всегда есть заначки, да? Миллиончики там.

Дима. Ну да, заначки есть.

Славян. Ну вот. Значит, даст одну заначечку для пацанчиков. Чисто по-пацански, и по-дедовски. Он щедрый, дедушка твой? А?

Дима. Жадный он.

Славян. А мы его вежливо попросим, скажем волшебное слово. У меня волшебная палочка есть для волшебного слова.

Дима. Вряд ли он даст.

Славян. Куда он денется, когда разденется? Идём к деду. У меня сроки жмут.

Дима. Но он сразу всё равно не сможет деньги дать.

Славян. Что, в банку уже положил?

Дима. Какую банку?

Славян. Коммерческую.

Дима. Нет. Ну если квартиру продать, там же время нужно.

Славян. Зачем хату проваливать? Лям же есть. Наличкой или как?

Дима. Нет ляма. Я соврал Жанне.

Славян. Ну как соврал? Как соврал-то? Ты пойми: Демидрол меня втянул в эту кашу, и он сейчас из неё выпутается. Он же с первого класса в школе. Ему учителя характеристики кайфовые настрочили. А я полгода в том году в ней учился и сейчас месяц. За меня впрячься некому. Мне адвокат навязал: «Возьми всю вину на себя, тогда условку получишь». Я сдуру взял. Димедролу теперь условка с его характеристиками светит, а мне – пятёрка. Один шанс у меня выгрести – взятку дать. Ты это понимаешь? А?

Дима. Понимаю.

Славян. Ну. И что, помочь мне не хочешь?

Дима. Хочу.

Славян. Ну так помоги.

Дима молчит.

Славян. Ну хочешь, я тебе пообещаю, что всё отдам. Устроюсь куда-нибудь, в лес пойду. Лишь бы не срок. А? Честное пацанское.

Дима. Я соврал. Я Жанне просто понравиться хотел и соврал. Мне тётя посоветовала что-нибудь придумать оригинальное. Я увидел, как Жанна лото покупает на почте и сказал ей, что мой дядя миллион выиграл. А потом я Жанну в кино пригласил.

Славян. Да я в курсе этой темы. Ну хочешь, я тебе Жанну отдам? Я не могу в четырёх стенах, за решёткой. Мне простор нужен. В тигрятнике тогда полдня менты продержали, так я чуть с ума не сошёл, а тут пять лет. А? Ты понимаешь, что такое пять лет? Я и в город-то зря припёрся. Отец мой просто по-пьяни конюшню у соседней спалил, и нас пнули из Осиновки. Батя и раньше чудил, но это предел уже был. Ну давай, я махну Жанну на миллион. Хочешь? Ну а что? Нормальная девка. И чего пацаны её чмырят? Сама ко мне подошла, помогла мне. Ну, в смысле, подсказала, что ты помочь можешь. Выручай, брателло. Век благодарен буду.

Голос Жанны из комнаты. Слава!
Славян. Вон, меня зовут уже. Брателло...

Славян протягивает Диме руку для рукопожатия. Дима с опаской косится на неё. Славян ждёт. Видно, что он уже не раз проделывал такой фокус. Гипнотизирует переносицу Димы. Тот достаёт мелочь из кармана.

Дима. Вот.
Славян. Что «вот»?
Дима. Всё, что есть. Честно.
Славян. Убью суку.

Он поворачивается спиной к Диме и идёт в сторону комнаты.

8

В комнате Мария Витальевна устало опускается на кровать. Жанна стоит у окна спиной к отцу и наблюдает за тем, что происходит на улице. Заходит Славян.

Славян. Семейные разборки типа? Кто победил?
Мария Витальевна. Где Дима?

Славян. Дима на кухне. Чаёк попивает, медаль свою обмывает. И тройку по физре, натянутую за уши до четвёрки. Вежливые все вокруг: не курят, не пьют, не шоркаются. Или отшоркались своё?

Антон. Заткнись.

Славян. А чего вы мне рот затыкаете? Я в гостях. На тех же правах, что и вы. Я с дочерью вашей кентуюсь. Женюсь на ней скоро, вас папой называть буду. Мне тоже алименты будете отстёгивать. Я тоже несовершеннолетний.

Антон. У тебя свой отец есть.

Славян. А у меня два отца будет. Родной и... И второй. Нет, ну по-честному, лучше бы вы моим отцом были, но выбирать не приходится. Я люблю своих родителей такими, какие они есть. Они не кинут. На зону сядешь – тёлка первая прокинет, потом – кенты, а мать не предаст. Отец, наверно, тоже.

Антон. Тоска по зоне что ли? Шансона наслушался?

Славян. Не то слово. Золотые купола, все дела. Тоскую, прямо тоскую. В тоске моя печаль. А меня ни пирогами не кормят, ни баблом не угощают. Вот вырасту, заведу своих детей, я им ни в чём отказывать не буду. Хочешь машинку? На. Хочешь джинсы? Получай. Хочешь билет лотерейный на миллион? Вот он тебе.

Мария Витальевна. Знаете, Слава, маленькие детки – маленькие бедки. Вы бы думали головой, что вы говорите своим родителям. Они для вас стараются, а вы не цените их совсем.

Славян. Да ценим. Я же говорю: я люблю родителей. Это Жанна выпендривается. Такой батя у неё козырный, а она морды ему корчит. Дура.

Антон. Ты за словами следи.

Славян. Слежу, слежу. Я за всем слежу, и за всеми. Следопыт. Как индеец. Книжку я такую читал в детстве, когда маленький был. Маленький я из маленького детства.

Мария Витальевна (обращаясь к Жанне). А вы знаете, у меня же второй ребёнок был. Маленький, красивый. Я думала, муж меня с дочерью не любит потому, что мы женщины. Мальчика хотела. И родила. А у него болезнь Дауна и кости как вата. Он год и восемь месяцев прожил. Намучались мы с ним. И Марина намучалась, и я, и брат мой, Димы отец. Я уже весны ждала, чтобы на реку пойти и утопиться. А Миша, ребёночек мой, раньше отмучался. Я до сих пор жалею, что не увидела его взрослым.

Жанна отворачивается от окна, изучает лицо Антона.

Славян. Вы такие страсти сегодня шпарите. Испугать меня хотите?

Мария Витальевна. Поделиться с кем-нибудь хочу, а то столько лет в себе держала. Я же с другой стороны провода сижу. Мне рассказывают – я слушаю. Может, последний шанс у меня с этой стороны побывать.

Славян. Но теперь-то вам ништяк? Мы теперь в теме. Мы будем вечно помнить ваши семейные разборки.

Антон. Слушай, паренёк, ты не вовремя со своими этими...

Славян. Да я всегда невовремя.

В комнату заходит Дима. Славян оборачивается в его сторону, усмехается.

Славян. О, миллионер пришёл. Дима, расскажи про миллион. Молчит.

Антон (Славяну). Молодой человек, покиньте помещение.

Славян. Вышибалу включил? Я же несовершеннолетний. Меня бить нельзя.

Антон. Уйди отсюда, пожалуйста. Ну не к месту сейчас ты, явно.

Славян. Да я сам уже валить собирался. Только вместе с Жанной. Мне прямо срочно с ней одну тему перетереть надо.

Антон. Подождёт ваша тема.

Славян. Не, тема – реально тема. Мы ведь как с ней? Муж и жена почти. Мы сейчас рванём в свадебный тур по подвалам и забацаем первую брачную ночь.

Антон. Ах ты гнида.

Делает шаг к Славяну. Жанна бросается к Антону, хватая его за плечи.

Жанна. Пожалуйста.

Антон. Что ты за него заступаешься? Таких подонков толпы.

Славян. Не лезла бы. Точно. У меня КМС по боксу. Вырублю нафиг.

Жанна. А папа – чемпион области по пауэрлифтингу.

Славян. Это что за фигня?

Антон. Силовое троеборье: жим лёжа, становая тяга, приседания.

Славян. И сколько жмёшь?

Антон. Сто восемьдесят.

Славян. Ни фигя себе.

Антон кладёт ладонь на руку Жанны, но Жанна моментально освобождается от руки отца.

Славян. Жанна, пойдём отсюда.

Жанна. Сейчас.

Славян. Мы вынуждены покинуть вашу компанию. С праздником вас ещё раз, Мария...

Антон. Витальевна.

Славян (Диме). Давай, Диман. Встретимся завтра, побазарим на нашу тему. Всем удачи, не болейте.

Мария Витальевна. Жанна, останься. Нельзя так. Он твой отец, и он хороший отец: он деньги от вас не прятал.

Жанна. Папа – хороший, мама – плохая.

Мария Витальевна. У тебя всё впереди. Видишь: он тебя забрать хочет. Отучишься, образование получишь. А образованные люди везде нужны.

Жанна. Кому?

Мария Витальевна. Что – кому?

Жанна. Кому нужны? Вы только что говорили, что муж не любил вас, дочь вас не ценит. Вы всем вокруг советуете что-то, а сами себе ничем помочь не можете. А я возьму и уйду за своей судьбой. Да, Слава?

Мария Витальевна поднимает руку точно она то ли хочет закрыться от обвинений, то ли возразить на них, но, повиснув в воздухе, рука безвольно падает вниз.

Мария Витальевна. За какой судьбой? Что ты говоришь, девочка? Валерка у Марины тоже хулиган был. У него друг был хороший, за Мариной ухаживал. Я думала, она за него замуж выйдет. А Валерка переспал с Мариной до свадьбы, у неё голова и закружилась. А Валерке плевать на Марину. Они учились, она ему чертежи и курсовые делала, а он вечером белые носочки наденет и шарахается до утра по бабам. Жанна, останься, поговорим, решим что-нибудь.

Славян (Жанне). Пойдём из этого дома скорби. Мыльная опера, блин. Ещё и ты мне врёшь как сивый мерен.

Жанна. Я?

Славян. Утром сегодня. Говоришь: «Миллион у него есть». (Показывает на Диму.) Нет у него ни фи́га.

Жанна. Он мне только что говорил, что есть.

Славян. Когда?

Жанна. Вы из комнаты когда уходили.

Славян качает головой.

Славян. Ну циркач. Ладно, Жанна, ты остаёшься или как?

Жанна. Я не знаю.

Славян. Ты уж определись. Сумасшедшая тётка и новый папа или я.

Жанна. Почему ты такой грубый?

Славян. Не мы такие – жизнь такая. Эх, ладно. Вы меня задрали.

Славян снимает со спины рюкзак, открывает его. Достает из рюкзака пистолет, снимает с предохранителя, наводит на Диму.

Славян. Короче, так. Ты сейчас идёшь со мной. Мы забираем миллион, и можешь делать, что хочешь. А вы не дай боже в ментовку заявите или ещё куда. Я отличника вашего завалю. Мне терять нечего. (Диме.) Всёк? Всёк, говорю?

Антон. Э, парнишка, стой: ты где пушку-то взял?

Славян. Самоделка.

Антон. Какая самоделка? Где взял?

Славян. В сарае за домом.

Антон. А за пушку ты срок получишь.

Славян. Я итак его получу. Пойдём, баклан. Просил тебя по-нормальному. По-нормальному не хочешь. Значит будет по-другому.

Мария Витальевна начинает медленно приподниматься с кровати.

Мария Витальевна. Слава, послушайте меня: угрожать нехорошо, вы по кривой дорожке идёте.

Славян. Ага. А где они, прямые дороги, чтобы по ним идти?

Мария Витальевна. Много-много прямых дорог. Люди по большей части добрые. Вы в беду попали, правильно?

Славян. Ну да.

Мария Витальевна. Из любой ситуации есть выход.

Славян. Так вот я его и ищу.

Мария Витальевна. Правильно делаете, что не останавливаетесь. Знаете сказку, в которой две лягушки упали в молоко? Одна сразу сдалась и утонула, а вторая била лапками, била и взбила из молока сметану и выбралась.

Славян. Да, я слышал про лягушек. Я вообще животных люблю.

Мария Витальевна. Вы молодец.

Славян. Ну...

Мария Витальевна. Вы крутой, сильный.

Славян. Я в деревне самый сильный был. Сильнее Лёхи Кривого даже.

Мария Витальевна. Вот как.

Славян. Да вообще. Мы с ним встанем на дискотеке и толкаем всех, а они: «Хрю му».

Мария Витальевна. Молодцы.

Славян. И по боксу я нормально так.

Мария Витальевна. Вы всесторонне развитый.

Славян. Вообще.

Мария Витальевна. Но вы поймите: вам сейчас всё кажется игрушкой, а потом вся жизнь наперекосьяк пойдёт. Давайте, вы уберёте пистолет, и мы забудем о нём.

Славян. А где вы видите пистолет? Я его даже не доставал. (Опускает оружие.)

Мария Витальевна. Вы молодчика. Вас наверняка ваши сверстники уважают, вы лидер у них. Правда? Вас поэтому, наверное, и прозвали Демидролом. За то, что вы храбрый, смелый, да?

Славян. Да не Демидрол я! На фиг этого Демидрола с его ёжиками! Вышел ёжик из тумана. Сидел бы в своём тумане бы и сидел. А то я теперь в туман на нары сяду. Ёжики, ёжики. Пыжики, блин, а не ёжики.

Размышляя о ёжиках, Славян забывается, размахивает пистолетом в воздухе. Дима, заметив, что Славян отвлёкся, делает нерешительный шаг к выходу. В то же время Мария Витальевна резко встаёт с кровати.

Мария Витальевна. Там пирог горит.

Славян. Сидеть!

Гремит выстрел. Женщина валится на пол. Дима бросается к двери. Гремит ещё один выстрел. Дима падает. После долгой паузы в горле Славяна зарождается какой-то булькающий, шипящий звук. Пистолет трясётся в руке парня.

Славян. Ёкаранный бабай. А-а, блин. Ох, ёлки.

Антон, не обращая внимания на Славяна, подходит сначала к Диме, а затем к Марии Витальевне. Осматривает их.

Славян. Всё. Теперь всё. Теперь точно всё-всё-всё.

Жанна с ужасом смотрит на двух людей на полу, медленно подносит ладони к лицу, всхлипывает и срывается на долгий визгливый крик.

Славян. Что ты орёшь?! Орёт она. Всех созови. Давай. А-а, а-а.

Славян садится на корточки, потрясая пистолетом около лица.

Славян. Ёлки моталки. Всё-всё-всё. Лошара и бабушка. Да меня ж там опустят нафиг. Это конец. Всё. Всё. Долбаный Димедрол. И долбаный город. В деревне ништяк было. Там пацаны, корова, девки нормальные. Сенокос, трактор.

Славян тяжело дышит, разглядывает пистолет, замедляет дыхание, поворачивает дуло к лицу, примеряет курок к пальцу. Жанна, заметив, что хочет сделать Славян, взмахивает руками, оставаясь на месте.

Жанна. Папа.

Антон отвлекается от Марии Витальевны, оборачивается к дочери. Она ловит воздух ртом и показывает пальцем на Славяна. Не раздумывая, Антон бросается к парню.

Антон. Стой!

Антон с силой врывается в парня, хватая обеими руками пистолет. Гремит выстрел. Мужчины борются. Схватка прекращается тем, что Антон, пошатываясь, поднимается, отталкивает в сторону Славяна, пихает его ногой. Поднимает за ствол пистолет, кладёт его на тумбочку рядом с цветами.

Антон. Дебил.

Славян. Я убил их. Убил.

Антон. Никого ты не убил, придурок.

Славян. Убил, убил, убил.

Антон. Стрелять не умеешь – не берись. Идита кусок. Полюбуйся. Этот (показывает на Диму) сознание потерял. А женщину ты ранил. Но не страшно.

Антон, шатаясь, подходит к Марии Витальевне, помогает ей сесть на кровати.

Антон. Вы как?

Мария Витальевна. Всё равно.

Антон. Как это всё равно? Вы успокойтесь. Вас царапнуло буквально. Шов наложат.

Мария Витальевна. Да я говорю: всё равно. Месяцем больше, месяцем меньше.

Антон. В смысле?

Мария Витальевна. В больнице мне сегодня сказали: у меня рак и мне осталось всего ничего, а дочь мне говорит: «Не лезь ко мне, ты мне всю жизнь испортила».

Антон. А. Ну сколько бог даст, столько и... Даст.

На полу шевелится Дима. Славян подползает к нему, помогает подняться. Антон растёгивает пиджак. На белой рубашке в районе живота застыло большое пятно крови. Оно разрастается.

Антон. Навылет, похоже. И главное – не больно совсем.

Жанна не сводит глаз с Антона.

Жанна. Папа?

Антон. Что? Дочка. Сейчас к маме пойдём. С женихом её познакомим. С придурком твоим. Папой он меня называть будет. Эй, придурок, ты папе помочь не хочешь? Стаканчик воды принеси.

Славян на ватных ногах уходит на кухню. Дима пялится на кровавое пятно на рубашке Антона.

Антон. Вот так в старости лет захочешь, а тебе стакан воды не принесут. Так говорят, да?

Жанна. Папа?

Антон. Папа, папа. Кто же ещё?

Жанна. Ты больше нас не бросишь?

Антон. Нет, конечно. Не брошу. Сейчас полежу только.

Антон опускается на пол.

Антон. Отдохну, и пойдём к маме знакомиться. А то всё письма, письма. Все семнадцать лет. (Ложится.)

В комнату возвращается бледный Славян. В руке его стакан воды. Увидев, что Антон лежит на полу, Славян останавливается, задумчиво подносит стакан к губам. Рука его при этом трясётся, вода переливается через край. Славян отпивает из стакана.

Звонит телефон. Мария Витальевна медленно поворачивает голову к нему, растягивает губы в больной улыбке, по её щеке катится недоверчивая слеза.

В тишине очень громко тикают и тикают часы.

12.06.2014, 23.09.2014